

0-795229

На правах рукописи

Чехунова Ольга Александровна

**ЦИКЛИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОЭТИЧЕСКИХ
СБОРНИКОВ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА 1930-х ГОДОВ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА**

Специальность: 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва, 2012

Работа выполнена на кафедре русской филологии
Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова
(филиал в г. Нерюнгри)

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **Кихней Любовь Геннадьевна**

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук, профессор **Авраменко Альберт Петрович**,
*заведующий кафедрой истории русской литературы XX-XXI века
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова*

кандидат филологических наук, доцент **Круглова Татьяна Сергеевна**,
*доцент кафедры романо-германской филологии
Пензенского государственного университета*

Ведущая организация: Кемеровский государственный университет.

Защита диссертации состоится 20 апреля 2012 года в 15-00
на заседании диссертационного совета Д 212.203.23
при Российском университете дружбы народов по адресу:
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 436.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном центре
(Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу:
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6.

Автореферат размещен на сайте РУДН (www.rudn.ru)

Автореферат разослан 19 марта 2012 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000787791

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

А. Е. Базанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы. Реферируемая диссертация посвящена исследованию способов воплощения философской картины мира Георгия Иванова в циклической структуре его эмигрантских поэтических сборников 1930-х годов.

Имя и стихи ярчайшего представителя русского зарубежья и всего Серебряного века русской поэзии долгое время оставались неизвестными широкому кругу читателей. Только в 1993 году, когда было издано первое трехтомное собрание сочинений Георгия Иванова, его произведения стали доступны в более или менее полном объеме, в том числе достаточном и для научного изучения творчества поэта.

После возвращения творчества Георгия Иванова в Россию его современное научное осмысление началось с обобщающих статей конца 1980-х и 1990-х годов. Безусловно, до этого о Георгии Иванове писали лучшие критики эмиграции и крупнейшие исследователи поэзии Серебряного века: В. Вейдле, В. Злобин, В. Крейд, В. Марков, М. Слоним, В. Ходасевич, Г. Адамович, Г. Струве, З. Гиппиус, К. Померанцев, К. Мочульский, П. Бицилли, Р. Гуль, Ю. Иваск, Ю. Мандельштам, Ю. Терапиано и другие. Большинство из них признавали Георгия Иванова выдающимся поэтом русской эмиграции, а позднее – последним великим русским поэтом.

Постепенно в отечественном литературоведении стали появляться и более фундаментальные работы, в которых исследователи рассмотрели вопросы эстетики и философии, специфику поэтики, творческую эволюцию, основные историко-литературные и культурологические аспекты ивановского творчества. До недавнего времени наиболее полными и серьезными работами оставались исследования Н. Богомолова, Е. Витковского, В. Крейда, Л. Миллер, В. Смирнова, А. Соколова, Р. Тименчика и А. Арьева. Последнее десятилетие стало продуктивным для более глубокого изучения ивановского творчества. Появились диссертационные исследования М. Гапеенковой, Ю. Несыновой, Н. Кузнецовой, А. Трушкиной и др.

Важнейшую и до сих пор неразрешенную проблему исследования творчества Георгия Иванова обозначил А. Авраменко. Он, поднимая вопрос о переключках Иванова с Блоком, справедливо полагает, что «цитатность, или правильное сказать, диалогичность поэзии Георгия Иванова отмечалась современниками с самого момента вступления молодого автора в литературу, то есть с начала 1910-х годов. Но внутренняя значимость этого качества его лирики по-разному оценивалась в разные периоды его творчества» и до сих пор функционально не проанализирована [Авраменко А.П. Георгий Иванов: «Диалог» с А. Блоком // Мир литературы. К юбилею профессора Анатолия Сергеевича Карпова: сборник научных трудов. М., 2010. С. 91]. Большой вклад в изучение интертекстуальных связей Георгия Иванова внесла Н. Налегач. В работе «Поэтика отражений: И. Анненский и русская поэзия XX века» (Кемерово, 2009) она одной из первых наиболее глубоко и полно выявила семантический пласт творчества Анненского в эмигрантской лирике Георгия Иванова. Исследовательница отмечает, что в позднем творчестве поэта и, особенно, в итоговой книге «Посмертный дневник», происходит глубинное освоение поэзии И. Анненского на уровне художественной аксиологии и картины мира.

Значимой лексикографической работой стал «Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова», составленный И. Тарасовой [Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова / Сост. И.А. Тарасова. Саратов: Издательский центр «Наука», 2008]. Исследовательница рассматривает в данной работе многозначные, семантически и эстетически нагруженные элементы идиостиля поэта, выводящие на основные категории его мироощущения. По задумке автора, словарь предоставляет читателям «материал для размышлений и самостоятельных наблюдений и выводов», являя собой «лишь некий полуфабрикат, нуждающийся в дальнейшей интерпретации». Данная работа стала полезным «инструментом» для анализа поэтических текстов Иванова.

Знаменательно, что многие критики и литературоведы, начиная с современников поэта и заканчивая авторами диссертационных исследований 2000-х годов, рассматривая идейно-эстетическую позицию писателя, отмечают, что после эмиграции в его стихах появляется подлинный трагизм мировосприятия, доходящий до всеобщего, вселенского отчаяния. В его поэзии возникает экзистенциальная проблематика, размышления о смерти, свободе, пустоте, холоде, о сущности счастья, появляется тема беспомощности искусства.

Значимой в аспекте нашего исследования оказалась работа В. Заманской «Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: Диалоги на границах столетий» (М., 2002), в которой представлен анализ истоков и развития экзистенциальной парадигмы культурной жизни в России и Европе. Исследовательница считает, что особенно значительным для «перепроцесса» литературы XX века является анализ художественного наследия в парадигме экзистенциального сознания. Так, рассматривая с этой точки зрения творчество Иванова, В. Заманская утверждает, что «поэтом Георгия Иванова сделал серебряный век, большим поэтом — ощущение экзистенциальности бытия» [Заманская В.В. Указ. соч. С. 251].

Однако исследовательница рассматривает поэтическое творчество Георгия Иванова в эмиграции во многом исключительно как ключ к пониманию прозаического «Распада атома». Но ни она, ни другие исследователи не дают подробного содержательного анализа поэтических сборников Иванова периода эмиграции, в особенности с точки зрения экзистенциальной философии.

Итак, проблема экзистенциального мировосприятия Георгия Иванова неоднократно отмечалась критиками и исследователями, однако рассматривалась фрагментарно, на уровне предварительных замечаний или предположений. Тогда как, на наш взгляд, именно аспекты отражения экзистенциальной картины мира в художественной структуре его стихотворений являются ключевыми для понимания феномена ивановской поэзии.

Актуальность работы определена перспективностью и в то же время недостаточной исследованностью такой теоретической проблемы как взаимодействие философской картины мира поэта и структурно-смысловой организации его текстов.

Категории экзистенциализма относятся к области философии, и при проекции на творчество поэта возникает ряд вопросов, связанных со спецификой их воплощения. При этом – один из важных вопросов, который необходимо решить, заключается в следующем: как картина мира влияет на тип поэтики? Этот аспект зачастую не берется во внимание. Предполагается, что связь между этими двумя

уровнями существует, но сами механизмы этой связи нередко остаются «за кадром». Мы полагаем, что эта связь реализуется, прежде всего, на уровне комбинаторики мотивов и образов, которые и воплощают картину мира поэта. Ср. идею И.П. Смирнова о том, что «поэтические картины мира отличаются не только доминирующими в каждой из них оппозициями, но и способами взаимодействия смыслов, т.е. не только содержанием, но и формой содержания» [Смирнов И.П. Смысл как таковой. СПб.: Академический проект, 2001. С. 92-93.].

Мы выдвигаем следующую **гипотезу**: в эмигрантском творчестве Георгия Иванова 1930-х годов существуют целостные комплексы мотивов, образов, лирических ситуаций, символов, композиционных, интонационных и других приемов, сцепление которых и воплощает экзистенциальную картину мира поэта. Причем, чем более целостной и органичной была экзистенциальная картина мира Иванова, тем способы взаимодействия мотивов, образов и иных поэтических составляющих должны быть более структурированными и конструктивно организованными. Подобным смысловым и структурно-содержательным единством, по нашему предположению, обладают лирические сборники (поэтические книги), составлению которых, как известно, Георгий Иванов уделял значительное внимание.

Лирический цикл или сборник как метатекстовая целостность позволяет воплотить сложную систему чувств, аксиологических представлений и онтологических категорий художника.

Теоретические вопросы циклизации на сегодняшний день наиболее глубоко рассмотрены в работах М. Дарвина, Л. Ляпиной, В. Сапогова, И. Фоменко, О. Мирошниковой и др. Особенности поэтических циклов и практические вопросы циклообразования рассмотрены на примере творчества крупных русских художников начала XX века: А. Блока, В. Брюсова (Л. Гинзбург, З. Миц, П. Громов, В. Сапогов, Ф. Инграш, Л. Спроге и др.), А. Ахматовой (В. Жирмунский, Л. Кихней, О. Аминова, А. Тагильцев, А. Касимова), М. Цветаевой (Г. Петкова, М. Серова, Е. Веселовская, Т. Круглова), Вяч. Иванова, В. Ходасевича, М. Волошина и др.

В целом феномен циклизации, несмотря на значительные достижения в его изучении, до сих пор остается явно «недоисследованным», особенно в историко-литературном плане. До сих пор нет обобщающих трудов с классификацией и подробным анализом вопросов становления и эволюции цикла в творчестве многих поэтов или в рамках отдельных литературных направлений и школ (символизма, акмеизма и футуризма), не разработано четкой классификации циклических образований (лирического цикла, книги стихов, текстовых ансамблей, серии и др.). Нет также общепризнанной трактовки терминологического обозначения цикла и его соотношения с феноменом жанра. Так, остается открытым вопрос о том, является ли цикл самостоятельным жанром (его специфической разновидностью) или особым сверхжанровым (метажанровым, полижанровым) образованием.

Мы полагаем, что исследование стихотворных сборников Георгия Иванова как циклических структур в определенной (пусть небольшой) мере восполнит эти пробелы, позволит внести коррективы и дополнения и в саму теорию лирического цикла как метажанровой и метатекстовой формы.

Кроме того, в историко-литературном плане **актуальность** исследования не в последнюю очередь связана с повышенным интересом к экзистенциальному типу

художественного сознания, возникающего в эпоху аксиолого-мировоззренческих «сломов» и «стыков». И если этот тип художественного сознания относительно полно исследован на материале прозы, то его лирические преломления, в особенности на русской почве, исследованы явно недостаточно.

Таким образом, нерешенностью весьма насущных, если не сказать приоритетных, для современного ивановедения проблем – воплощения экзистенциальной картины мира в поэтике эмигрантских циклов и проблемы циклообразования – и обусловлены **историко-литературная и теоретическая значимость** нашего диссертационного исследования.

Объектом научного анализа являются экзистенциальные установки Георгия Иванова и их отражение в поэтике лирических сборников 1930-х годов. Выбор для анализа лирических сборников 1930-х годов обусловлен двумя взаимосвязанными моментами. Во-первых, свой индивидуальный, ни на чей другой не похожий, голос Георгий Иванов обретает именно в эмиграции. Потеря России (в самом широком смысле – своего читателя, привычного круга общения, культуры, почвы, ценностей, истории) разбудила подлинную поэтическую силу Георгия Иванова. И, во-вторых, эмигрантская поэзия Иванова 1930-х годов вобрала в себя многие экзистенциальные категории и ситуации, которые мы находим в трудах как западных (Ж.-П. Сартра, А. Камю, К. Ясперса, М. Хайдеггера), так и русских экзистенциалистов (К. Леонтьева, Н. Бердяева, Л. Шестова). Это типологическое родство – свидетельство стадийного развития экзистенциализма, ключевые идеи которого воплощались не только в трактатах и философской прозе, но и в лирике.

Предмет исследования – лирика Георгия Иванова периода эмиграции. В центре внимания – сборники **«Розь»** (1931 г.) и **«Отплытие на остров Цитеру»** (1937 г.). Однако для анализа эволюции ивановской картины мира и, как следствие, поэтики его лирических книг, мы проводим художественные параллели как с ранним творчеством поэта (например, сборниками **«Отплытие на о. Цитеру»**, **«Вереск»**, **«Сады»**), так и с произведениями более поздних сборников Иванова (**«Портрет без сходства»**, **«Rayon de gaoupe»**, **«Дневник»**, **«Посмертный дневник»**). Кроме того, при анализе сборника **«Отплытие на остров Цитеру»** мы делаем сопоставления с прозаическим **«Распадом атома»** (1937 г.), созданным одновременно с дашним лирическим сборником.

Исходя из предположения о метатекстовом статусе цикла, мы задаемся **целью** выявить закономерности воплощения картины мира Георгия Иванова, сложившейся в эмиграции, в смысловой структуре его лирических книг.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**:

1. определить основные категории экзистенциализма применительно к художественному творчеству и наметить принципы их приложения к лирическому дискурсу Георгия Иванова;
2. рассмотреть теории литературного цикла, бытующие в научной литературе, и обосновать рабочую концепцию циклообразования применительно к лирической книге;
3. проанализировать содержательную структуру эмигрантских сборников Георгия Иванова 1930-х годов в свете философских установок экзистенциализма,

выявить основные способы взаимодействия смыслов, принципы комбинаторики мотивов и образов;

4. вычленил циклообразующие элементы как содержательного, так и формального плана в свете экзистенциальной проблематики сборников Георгия Иванова «Розы» и «Отплытие на остров Цитеру».

Основные положения, выносимые на защиту:

1). Эмигрантское творчество Георгия Иванова – уникальный образец экзистенциальной поэзии. Автор моделирует характерные для экзистенциальной картины мира пограничные ситуации. Экзистенциальная проблематика в лирических сборниках как циклических единствах воплощается в семиотических комплексах, содержащих в себе компонент «границы» или «стыка». Для лирического героя Иванова характерен трагический мотив смыслоутраты, он пребывает в ситуации балансирования на грани жизни и смерти, реального и трансцендентного бытия, прошлого и будущего, свободы и необходимости.

2). Формой воплощения экзистенциальной картины мира становится лирический сборник, организованный как циклическое целое. Именно эта макроциклическая структура позволяет автору выразить философско-поэтическую картину мира в ее цельности и полноте. Отдельное стихотворение способно выразить эмоцию, фрагмент переживания или мыслительного процесса, но для раскрытия мировоззренческой концепции нужна большая лирическая форма, кося в эмигрантском творчестве Иванова является сборник стихов.

3). Эмигрантские сборники Георгия Иванова 1930-х годов – «Розы» и «Отплытие на остров Цитеру» – представляют собой метатекстовые образования, каждое из которых имеет общее лексико-семантическое поле, общий хронотоп, комплекс взаимосвязанных мотивов, образов, конфликтов и идей.

4). Роль циклических «скреп» и одновременно интеграторов экзистенциального мировосприятия играет символика заглавий сборников, семантика «рамочных» текстов, внутренние парадоксы лирического героя, наделенного «талантом двойного зрения», система трансцендентных лейтмотивов и «вещных» лейтобразов; центростремительная композиция, основанная на вариативном разыгрывании экзистенциального инварианта бытия.

Теоретико-методологической основой данного исследования являются: работы по теории лирики и анализу художественного текста М. Бахтина, Ю. Лотмана, Л. Гинзбург, С. Аверинцева, М. Гаспарова; исследования в области лирической циклизации В. Сапогова, М. Дарвина, Л. Ляпиной, И. Фоменко, О. Мирошниковой; труды философов-экзистенциалистов: Ж.П. Сартра, К. Ясперса, А. Камю, Н. Бердяева, К. Лсонтьева, Л. Шестова и др.; труды литературоведов, исследовавших творчество Георгия Иванова и экзистенциальные проблемы в литературе – А. Арьса, С. Великовского, Р. Гуля, В. Заманской, В. Крейда, В. Мескина, Ю. Терапиано, Т. Тузовой, В. Шервашидзе и др. **Методология работы** – комплексная, в работе используются системно-типологический и структурно-семантический методы.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые проведен циклический анализ лирических книг Георгия Иванова в соотнесенности с философской картиной мира поэта. Доказано, что архитектоника сборников

Георгия Иванова «Розы» и «Отплытие на остров Цитеру» коррелирует с экзистенциальным типом художественного сознания.

Теоретическая ценность диссертационного исследования заключается в расширении и углублении представлений о поэтике лирических циклов как способе воплощения целостной картины мира художника. **Практическая значимость** работы состоит в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы при составлении общих курсов по истории и теории русской литературы XX века, при подготовке спецкурсов по литературной циклизации и творчеству Георгия Иванова.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности, по которой она рекомендуется к защите. Диссертация соответствует специальности 10.01.01 «Русская литература». Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: п. 4. История русской литературы XX–XXI веков; п. 7. Биография и творческий путь писателя; п. 8. Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве; п. 9. Индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии.

Апробация результатов работы осуществлялась на следующих научных конференциях: VI, VII, VIII межрегиональные научно-практические конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (Нерюнгри, 2005, 2006, 2007 гг.), Межрегиональная научно-практическая конференция «Интеллектуальное развитие общества в аспекте научно-исследовательской деятельности» (Благовещенск, 2006 г.), Международная научно-практическая конференция «Научный потенциал – 2006» (Днепропетровск, 2006 г.), Международные научно-литературные чтения «Жизнь и творчество Георгия Иванова» (Москва, 2008 г.), Всероссийская научная конференция «Печать и слово» (Санкт-Петербург, 2010 г.), XI Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых (Нерюнгри, 2010 г.), Межвузовская научная конференция молодых ученых «Грибоедовские чтения – 2011» (Москва, 2011 г.).

Систематизация исследуемого материала в соответствии с поставленными целями и задачами определила **структуру** работы. Диссертация включает введение, три главы, заключение и список литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяется степень изученности темы, очерчивается объект и предмет исследования, обосновывается актуальность работы, ее новизна и значимость; задаются основные теоретические и методологические ориентиры; освещаются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Циклизация как способ отражения экзистенциальной картины мира**» рассмотрены основные положения философии экзистенциализма и его влияние на литературу, а также теоретические проблемы циклизации как способа отражения картины мира поэта.

Первый параграф «**Специфика экзистенциального сознания. Ключевые экзистенциальные категории в проекции на художественное творчество**» посвящен анализу исторических, философских, психологических корней

экзистенциализма как существенного культурогенного фактора XX века, а также рассмотрению ключевых категорий и положений данного философского течения и его влиянию на литературный процесс.

В качестве основной категории экзистенциализма рассматривается субъективно переживаемая человеком экзистенция (существование), главные модулы которой – страх, отчаяние, онтологическое одиночество человека, его отчужденность от мира и др. Экзистенциальное существование не поддается рациональному постижению, и единственная возможность познать его заключается в том, чтобы пережить, а точнее – претерпеть.

Важными категориями философии существования являются также: подлинность и неподлинность бытия, трансценденция, ситуационность, «заброшенность» в жизнь; катастрофичность, кризисность сознания; обреченность на свободу. Подлинная экзистенция открывается человеку только в моменты глубочайших погрязений – в так называемых пограничных ситуациях. Наиболее ярким случаем такой ситуации, открывающей хрупкость человеческого бытия, является столкновение со смертью. Однако конечность собственного существования личность может ощутить и в других пограничных ситуациях: смертельной болезни, войны, страдания, страха, вины, борьбы, одиночества и др.

Обретение аутентичного бытия, по сути, означает потерю спокойствия. Это отмечает и В. Шервашидзе: «Страх, отчаяние, беспокойство в экзистенциальной философии (Киркегор, Хейдеггер) предшествуют открытию «подлинного существования», «дающего человеку истинную победу над миром» [Шервашидзе В.В. От романтизма к экзистенциализму. Творчество Андре Мальро и Альбера Камю. М., 2005. С. 80]. Таким образом, лишь по-настоящему пережив хрупкость и конечность своего бытия, человек может открыть для себя подлинное существование, понимаемое и нацеленное в трансцендентный мир. Только в пограничных ситуациях, в моменты глубочайших потрясений и раскрывается, по мнению экзистенциалистов, человеческая сущность.

По мнению исследователей, основными признаками экзистенциальной литературы являются: предельная напряжённость переживания кризиса цивилизации XX века и невозместимого износа в ней духовных ценностей; метафизическое выражение трагизма смертного человеческого удела; враждебность всего сущего по отношению к личности и её тщетные намерения преодолеть собственное онтологическое одиночество и «заброшенность» в мир. Часто эти признаки можно встретить в литературных произведениях, возникших вполне независимо от экзистенциализма как философии, но на той же духовно-исторической почве. Во многом они вырастают, по мысли С. Великовского, из самого способа мышления экзистенциалистов, близкого к трагическому писательскому видению жизни [Краткая литературная энциклопедия, Т.8. С. 551].

Умонастроения экзистенциалистского толка мы можем наблюдать в творчестве многих писателей и поэтов, не относящихся официально к данному философскому течению. Однако вопросы, которые стали предметом исследования экзистенциальной философии, едва ли не параллельно становятся объектом лирико-философских медитаций российских поэтов и писателей XX века. Как отмечает

В. Мескин: «Литература начала нового века тяготеет к выражению экзистенциального мироощущения, художники, хотя и в разной степени, просто не могли избежать этого тяготения в условиях кризиса религиозного сознания. <...> Вопрос, выражали ли ранний Горький, Сологуб, Андреев или Бунин экзистенциальное мироощущение, носит отчасти схоластический характер. Не могли не выражать!» [Мескин В.А. Кризис сознания и русская проза конца XIX – начала XX вв. М., 1997. С. 64]. Особенно же эти явления проявились в литературе русского зарубежья, где трагическое мировоззрение выразило себя необычайно остро и воплотилось подчас в чистые образцы экзистенциальной литературы. Таким образом, взаимодействие литературы и экзистенциальной философии было, на наш взгляд, явлением двусторонним и панъевропейским.

В этом же параграфе на основе трудов В. Топорова и Т. Цивьян, а также ряде философских трудов, мы выводим рабочее определение экзистенциальной картины мира – одного из ведущих понятий нашего исследования: *экзистенциальная картина мира* – это целостная структурированная система представлений человека о мире и своем месте в нем, основанная на экзистенциальном типе сознания и опирающаяся на ключевые положения и категории экзистенциальной философии.

Во втором параграфе первой главы *«Лирическая циклизация как способ отражения целостной картины мира поэта»* рассматривается история изучения цикла стихов в отечественном литературоведении и актуальные вопросы теории цикла и циклообразования на текущий момент.

Цикл стихов как законченное целое, смысловое и содержательное единство, стал характерной чертой поэтики русских модернистов – И. Анненского, А. Ахматовой, А. Белого, А. Блока, В. Брюсова, Н. Гумилёва, О. Мандельштама М. Цветаевой и др. В их творчестве феномен циклизации получил широкое распространение, и именно сами поэты первыми заговорили о значимости циклизации (А. Белый, А. Блок, В. Брюсов и др.).

Опираясь на труды современных исследователей феномена циклизации, мы обозначили основные признаки лирического цикла:

1) произведения, составляющие цикл, обладают самостоятельной художественной и эстетической ценностью;

2) в цикле стихотворения образуют органичную структуру, определенную художественную систему связей и отношений между каждым отдельным произведением и контекстом, выраженную в наборе конструктивных приемов, различных циклообразующих факторов;

3) как во всякой системе, в цикле смысловая значимость всего целого не сводится только к сумме смыслов отдельных стихотворений, входящих в него. Художественная семантика цикла на порядок больше, чем совокупность семантических элементов, из которых эта система состоит;

4) цикл, в отличие от отдельно взятого произведения, передает целостную систему авторских взглядов, воссоздает художественный динамический образ всего сущего, отражает сложные взаимоотношения художника с миром, воплощает всю сложную систему его картины мира.

Ключевым понятием диссертации является понятие *лирического сборника как цикла*. Дело в том, что сам Георгий Иванов нередко называл свои лирические книги то сборниками, то циклами. Этой синонимической терминологии придерживаемся и

мы. Итак, лирический сборник-цикл (или: лирическая книга-цикл) – это составленная автором совокупность взаимосвязанных стихотворений, образующих с помощью циклических приемов систему отношений между отдельными произведениями и контекстом, единую поэтическую метажанровую структуру, отражающую целостную картину мира художника.

В качестве конструктивных приемов, объединяющих произведения внутри цикла, даже в творчестве одного автора (в зависимости от замысла, общей идеи цикла, этапа творчества и прочих факторов) могут быть использованы различные циклические «скрепы» (термин В. Сапогова). Понятно, что некоторые приемы составления лирического цикла можно обнаружить в поэзии значительно чаще остальных и, возможно, они существуют в качестве обязательных, другие же встречаются реже и только в творчестве отдельных авторов.

Приоритетными циклообразующими принципами являются: единство авторского замысла, сквозная тематика, система лейтмотивов и сквозных образов, композиционные приемы. Подчас большую роль в циклообразовании играют заголовочно-финальные комплексы, в которых заголовок лирического цикла обретает особое символическое значение. Кроме того, иногда особую функцию обретает первое стихотворение сборника, выполняющее роль увертюры, смыслового «зародыша». Разумеется, важнейшей циклообразующей «скрепой» в большинстве случаев является образ автора или лирического героя, выражающий общий настрой лирических переживаний, единство эмоционального настроения, которое может отражаться в строфическом и интонационно-ритмическом строе цикла, в музыке его аллитераций и ассонансов.

В этом же параграфе впервые выдвигается обоснованное предложение рассматривать в качестве циклообразующего фактора понятие метаситуации и дается собственная трактовка этого термина.

По аналогии с метасюжетом вводится понятие *метаситуации*, как единой повторяющейся в разных смысловых инвариантах архиситуации в различных стихотворениях цикла, как метасемантического единства. Мы предлагаем рассматривать метаситуацию как своего рода смысловой инвариант, схему, включающую набор повторяющихся элементов, различно воплощенный в подавляющем большинстве произведений того или иного автора и обеспечивающий единство его художественного мира. В рамках данного исследования ключевой функцией метаситуации предлагается считать ее способность к циклообразованию, воплощению целостной картины мира автора, то есть рассматривать ее как еще один вид циклообразовательной «скрепы», новый способ собирания произведений в единую поэтическую книгу.

Вторая глава диссертационного исследования «Способы воплощения экзистенциальной картины мира Георгия Иванова в циклической структуре сборника «Розь» посвящена анализу архитектоники первого эмигрантского лирического сборника Георгия Иванова «Розы».

Во вступительном параграфе практической части работы – «*Экзистенциальные установки и циклические тенденции в эмигрантском творчестве Георгия Иванова. Общие замечания*» анализируются некоторые моменты биографии поэта, критические и литературоведческие материалы, а также

воспоминания самого поэта и его супруги, позволяющие утверждать два исходных положения данного диссертационного исследования:

1). Философскую картину мира Георгия Иванова можно назвать экзистенциальной. Такое трагическое мировосприятие и миропонимание поэта формировалось под воздействием определенных внешних и внутренних предпосылок. Для Иванова первыми стали – эмиграция, отрыв от родины и привычного круга, последующие лишения и болезни. Вынужденный отъезд, побег «из советского ада» (из писем Иванова), выброшенность «так основательно за борт», где Иванову, по его же собственным словам «стало мучительно недоставать России», заставили поэта в полной мере испытать на себе «как горек хлеб и как круты ступени в эмиграции». Именно после эмиграции в ивановскую лирику впервые вступают катастрофичность мироощущения, апофатическое отрицание, еще не перешедшее в нигилизм, пафос распада личности, трагедия опустошенной души, разочарование и смыслоутрата, первые мысли о бессилии искусства, ощущение конечности бытия, онтологическая тоска от разлуки с родиной, и бесконечное эмигрантское одиночество, мотивы воспоминания, вечного возвращения и невозможности вернуться.

Если же говорить о внутренних предпосылках изменений в картине мира поэта, то к ним можно отнести особый, трагический тип мировоззрения эпохи, в которой он становился и творил, индивидуальную склонность к философскому осмыслению собственных лишений и опыта, обобщению жизненных ситуаций и событий, увлечение трудами философов – К. Леонтьева, Г. Ландау, Л. Шестова и других. Все это способствовало формированию экзистенциальной картины мира Георгия Иванова, которая проявила себя в полной мере в эмиграции.

2). Проведенный анализ лирического наследия поэта, а также его писем и критических статей, позволяет нам вслед за А. Карповым утверждать, что «для Г. Иванова книга стихов всегда была завершенным целым, где каждому стихотворению принадлежало свое – строго определенное – место» [Карпов А.С. На чужбине: Очерки по истории литературы русского зарубежья. М., 2007. С. 120].

Во втором параграфе *«Циклообразующая функция заглавия сборника Георгия Иванова «Розы» в контексте трансформации картины мира поэта»* мы обращаемся к этимологии одного из наиболее частотных в мировой литературе и значимых во всей культурной, религиозной и художественной традиции символов – символу розы.

В первом эмигрантском цикле «Розы» Георгий Иванов впервые применяет вегетативный код розы не для передачи традиционно-романтической символики (любовь, юность, красота, поэзия и проч.), характерной для его раннего творчества (напр.: «Юноша лежит стрелюю раненый, / Девушка напротив – улыбается. / Оба любовью отуманены... / Розы над ними сгибаются»; «И поём о смуглой коже, / Розе в шёлковой косе, / Об очах, что не похожи / На другие очи все»), а для введения экзистенциальной проблематики, наполняя образ роз трагической и метафизической семантикой. Поэт не отказывается от романтической лексики доэмигрантского периода и основные ценностные ориентиры, аксиологически важные для новой картины мира, по-прежнему отражаются в вещной ассоциативности розы. Однако даже анализ одного этого сложного многоуровневого символа позволяет говорить о смене картины мира поэта и доминировании в «Розах» нового, экзистенциального

восприятия и понимания мира («Пахнет розами. Спокойно ночи. / Ветер с моря, руки на груди. / И в последний раз в пустые очи / Звезд бессмертных – погляди»; «Так сердце твое оборвется когда-нибудь – так / Сквозь розы и ночь, снега и весну...»).

При этом образ, наполненный новым метафизическим и онтологическим содержанием, становится не просто одним из самых частотных в первом эмигрантском поэтическом сборнике Иванова. Он вынесен поэтом в заглавие цикла – сильную позицию текста, а также встречается в «рамочных» произведениях, то есть в первом и последнем стихотворениях сборника, создавая единый семантический фон всей книги. Начальное произведение цикла («Над закатами и розами...»), наравне с заглавием сборника, становится циклообразующей метафорой, семантической «сверткой» (Л. Кихней) всего смыслового, интонационного и мотивно-образного единства цикла, заявляя магистральный символ сборника и задавая ориентиры для последующего восприятия произведений. В то же время последнее стихотворение цикла («Всё розы, которые в мире цвели...») выступает как связующее звено, «мостик» между «Розами» и следующей поэтической книгой Иванова «Отплытие на остров Цитеру».

Таким образом, заглавие сборника «Розы» при изменении семантики данного образа и его дальнейшей трансляции в сильных позициях сборника делает его одной из мощнейших циклообразующих «скреп» всей книги, обеспечивая при этом не только целостность самого сборника, но и вписывая данную книгу в общий контекст творчества Георгия Иванова.

Третий параграф второй главы *«Экзистенциальная семантика как циклообразующая скрепа» в сборнике Георгия Иванова «Розы»* посвящен анализу циклического единства первого эмигрантского сборника поэта как воплощению новой экзистенциальной картины мира. Здесь Георгий Иванов впервые вводит такие трагические категории, характерные для философии экзистенциализма, как неизбежность и неотвратимость смерти («Нет ничего неизбежного / Вечного нет ничего»), напряженность переживания бытия, глобальная смыслоутрата, потеря ценностей и идеалов («Рассыпаются слова / И не значат ничего», «... я больше не имею власти / Соединить в создании одном / Прекрасного разрозненные части»), безнадежность и обреченность человеческого существования. Само же существование понимается теперь как унылое путешествие по холодному миру («Холодно бродить по свсту...»), покорность судьбе, невозможность счастья в его привычном смысле («Счастье мучить или мучиться...», «Счастья нет, мой бедный друг»), ежеминутная память о трагическом смертном уделе человека («Все неясно, все жестоко / Все навек обречено»). Одной из ключевых тем сборника является тема смерти в ее экзистенциальном понимании – личная неотвратимая и неминуемая гибель каждого («Пожалей меня, подруга, / Так ужасно умирать!»); «Вот и надо выбирать – / Или жить, как все на свете, / Или умирать»).

Новой, экзистенциальной картине мира поэта подчинена поэтика сборника. Феноменологическая ассоциативная вещьность Иванова проявляет себя в лейтмотивных, повторяющихся образах заката, моря, роз и звезд, меняющих привычную романтическую семантику на трансцендентную; в образе птицы, несущей весть о смерти, или образах-медиаторах окна или льда как хрупкой границы между «своим» и «чужим», земным и иным мирами («Летит зеленая звезда,

/ Как ласточка к окну – / В счастливый дом. / И чье-то сердце навсегда / Остановилось в нем»). В «Розах» повторяющиеся образы лодки, музыки и отражения выполняют функции экзистенциальных символов и одновременно лексических «скреп», с помощью которых смысловая структура сборника обретает циклическую природу. Важно отметить, что в следующих сборниках частотность этих образов возрастет.

Для экзистенциального мировоззрения не характерно поступательное движение, поэтому в «Розах» мы не находим сюжетного развития, характерного для циклических структур других русских поэтов-модернистов. У Георгия Иванова мы видим центростремительное движение. Автор строит циклическое целое по музыкальному принципу развертывания темы с вариациями.

Внутренний конфликт художника выражается в поэтике сборника посредством взаимопересекающихся антиномических рядов, бесконечным переплестением и перетеканием противоположностей друг в друга: жизнь и смерть, счастье и несчастье, свобода и предрешенность, вера и безверие, надежда и отчаяние, память и беспамятство – лирический герой постоянно находится на границе этих воплощений бытия, между полюсами («Было рано или поздно...»), «Ничего как жизнь не зная, / Ничего как смерть не помня...»; «Так и надо ... Больше ничего не надо»; «Я в книгах читаю – добро, лицемерие, / Надежда, отчаянье, всра, неверие»; «И, конечно, жизнь прекрасна, / И, конечно, смерть страшна <...> / Но всему одна цена»). И эта антиномичность – важнейшая характеристика эмигрантского творчества Иванова.

Отсюда – заковычанность и центростремительность композиции, ритмические, интонационные и мотивно-образные повторы и перепевы, постоянное варьирование одной и той же темы – темы границы, порога, пограничной ситуации. Именно трансцендентная ситуация нахождения между, переживание этой границы и является экзистенциальной метаситуацией сборника.

В третьей главе диссертационного исследования **«Способы воплощения экзистенциальной картины мира Георгия Иванова в циклической структуре сборника «Отплытие на остров Цитеру»** рассмотрена смысловая структура второго эмигрантского сборника поэта.

Проведенный в первом параграфе *«Циклообразующая функция заглавия сборника Георгия Иванова «Отплытие на остров Цитеру» в контексте трансформации картины мира поэта»* анализ позволил доказать, что заглавие, которое является одновременно цитатой и автоцитатой, несет в себе мифопоэтический компонент и сакральную образность, в первую очередь, благодаря включению сложной островной семантики. Образ острова становится семиотическим воплощением антиномичности картины мира Георгия Иванова, кризисности и внутреннего конфликта поэта.

Повторение названия самого раннего сборника, неопытные стихи которого Иванов в лучшем случае называл потом «стекляшками», в заголовке первой книги «Избранного», говорят о полемичности, диалоге с прошедшей эпохой и с самим собой в юности. Вместо пасторально-буколической символики во втором «Отплытии...» на первый план выходит архетип разрушенной идиллии, в котором хранится трагедия. Как и в «Розах», в сборнике «Отплытие на остров Цитеру» заглавие становится семантической и метафорической «сверткой», смысловым

«зародышем» всей книги, который определяет тематические и мотивные доминанты цикла и свидетельствует об изменениях в картине мира поэта. Заглавие передает интertextуальные и создает внутренние контекстуальные связи цикла, выполняет семиотическую функцию репрезентации сборника в контексте всего творчества Иванова как некоей целостной системы. Название вступает в полемический диалог с первым сборником поэта, тематически и композиционно (в частности, через центристскость «островной» семантики) организует цикл в целом и закладывает «сценарий» каждого стихотворения в отдельности.

Второй параграф заключительной главы – *«Мотивно-образная структура «Отплытия на остров Цитеру» в экзистенциальной картине мира Георгия Иванова»* – посвящен анализу циклических «скреп» во втором эмигрантском сборнике поэта. Также как в «Розах» первое стихотворение цикла («О, высок, весна, высок твой синий терем...») раскрывает ключевые элементы мотивно-образной организации всего сборника, становится увертюрой, преамбулой, синтетическим головным текстом, отражающим экзистенциальную метаситуацию отплытия. Определяющими для «Отплытия...» становятся идеи трансценденции, перехода в другое состояние, выхода за пределы, мотивы пограничности и смерти («Приближается звездная вечность / <...> Бесконечность, одна бесконечность...»); «В синюю вечность твою навсегда...»; «За пределами жизни и мира, / В пропастях ледяного эфира...»).

Дальнейший анализ поэтики эмигрантских сборников показывает, что вечные образы – роз, лодки, окна, зеркала и т.д. – объединяют в единый сверхцикл все эмигрантское творчество Иванова, становясь не только циклическими, но и своеобразными метациклическими «скрепами». Экзистенциально-трагическое значение приобретает образ музыки («Все прощено. Ничего не прощается. / Музыка. Тьма.»; «Падает песня в предвечную тьму, / Падает мертвая скрипка за ней...»; «Эта музыка путь освещает, / Где погибшее счастье летит»). Он наиболее частотен для этого сборника.

С годами экзистенциальное мировосприятие Георгия Иванова усугубляется. Поэт полностью отходит от романтизма. Для «Отплытия на остров Цитеру» характерны уже не только мотивы тревоги, одиночества и разочарования. Здесь впервые экзистенциальные розы встают в один ряд с детскими слезами, страхом и злобой, возникают рассуждения о загробном мире, бессмысленности и ужасе человеческого существования, надежде на бессмертие души («Сиянье. В двенадцать часов по ночам, / Из гроба. / Все – темные розы по детским плечам. / И нежность, и злоба»; «Все равно – не протягивай руки, / Все равно – ничего не спасти...»; «Это призрак стоит у постели / И цветы прижимает к груди»). В «Отплытии...» Мировое торжество перерастает в образ Мирового зла, который в свою очередь в позднем творчестве превратится в образ Мирового уродства.

На протяжении всего сборника важнейшим является мотив «нераздельности и неслиянности» противоречий, выраженный в объединении антиномичных категорий, алогизмах и оксюморонах («Все прощено. Ничего не прощается»; «И тьма – уже не тьма, а свет. / И да – уже не да, а нет», «Добра и зла, добра и зла / Смысл раскисленный добела» и т.д.). В цикле внутренние антиномичность и конфликт превалируют над внешними коллизиями. Мотив «переворачивания»,

«прорастания», перехода границы вновь составляет семантическую основу сборника, а пограничность становится ведущей метаситуацией.

Именно здесь, на границе бытия и небытия, сна и реальности, прошлого и настоящего, воспоминания и жизни, в ситуации неконтролируемого отплытия («Обрывается лодка с причала / И уносит, уносит ее...») ощущается подлинная хрупкость бытия, осознается бесконечное, онтологическое одиночество и жестокая «заброшенность» в мир каждого, и через это поэту открывается сущность и суть подлинной экзистенции. Метаситуация пороговости, являясь более крупной циклообразующей единицей, включает в себя повторяющиеся в разных вариантах экзистенциальные мотивы и образы отплытия, пути, улетающей надежды, гибнущего счастья, утраты мировой гармонии, покорности судьбе («...Белой музыки бьется крыло: / – Я надежда, я жизнь, я свобода, / Но снегами меня замело»).

В качестве экзистенциального кода у Иванова выступает бинарная оппозиция – детство / старость (ср.: «Это детство и счастье сначала, / Это детство и счастье твое...») / «И слишком устали, и слишком мы стары / Для этого вальса и этой гитары»). В развернутом виде эту оппозицию можно прочесть как противопоставление беззаботному детству человека трагической правды жизни, и порогом между ними будет экзистенциальная ситуация прозрения, признание неизбежности человеческого конца. Островная сема и мотив отплытия, обозначенные в заглавии, на протяжении цикла наполняются особым трансцендентным и метафорическим смыслом.

Вновь мы видим напряженность и переживание трагизма бытия человека, перед которым открылась суть подлинной экзистенции. Ключевым для сборника становится архетип разрушенной идиллии и утраченной гармонии связанные с потерянной для поэта-эмигранта Россией («Россия счастье. Россия свет. / А, может быть, России вовсе нет.»; «И Россия, как белая лира, / Над заснеженной снегом судьбой»).

В **заключении** обобщаются результаты диссертационного исследования и подводятся его итоги. Проведенный анализ позволяет утверждать, что философская картина мира Георгия Иванова, отраженная в его эмигрантском творчестве, коррелирует с принципами экзистенциализма. При этом экзистенциальная картина мира поэта как структурированная система взглядов и идей воплотилась не просто в отдельных мотивах или произведениях, а в смысловой структуре лирических сборников, организованных по циклическим законам.

Системный анализ принципов циклизации поэтических сборников Георгия Иванова 1930-х годов «Розы» и «Отплытие на остров Цитеру» позволил выявить в них такие циклообразующие компоненты как:

– авторский замысел и образ лирического героя, сквозная тематика, центростремительная и кольцевая композиция, пограничная метаситуация, система лексических «скреп», синцифический хронотоп, заголовочно-финальные комплексы.

Таким образом, лирические сборники Георгия Иванова 1930-х годов «Розы» и «Отплытие на остров Цитеру» представляют собой органичные структуры, определенную художественную систему связей и отношений между каждым отдельным произведением и контекстом, выраженную в наборе циклообразующих факторов на разных уровнях построения художественного текста.

Кроме того, наше исследование доказывает, что данные книги-циклы, в отличие от отдельно взятого произведения, передают целостную систему экзистенциальных представлений автора. При этом экзистенциальная картина мира Георгия Иванова с годами только углублялась, становилась все более трагичной, и позднее творчество поэта представляло собой чистые образцы экзистенциально-нигилистической поэзии. Формирование экзистенциальных установок мы проследили в первых двух лирических книгах поэта, написанных в эмиграции. При том что принципы поэтики и циклообразования всех эмигрантских сборников схожи, каждый следующий сборник Георгия Иванова представляет собой более сложный виток спирали экзистенциального переживания бытия.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, включенных в перечень периодических изданий, рекомендованных ВАК РФ:

1. Чехунова О.А. Экзистенциальная семантика как «циклообразующая скрепа» в поэтических сборниках Георгия Иванова 1930 – 1950-х годов // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник / Сост. и науч. ред. Г.М. Темненко. – Вып. 8. – Симферополь: Крымский архив, 2010. – С. 250-260.
2. Чехунова О.А. Экзистенциальная семантика как «циклообразующая скрепа» в поэтическом сборнике Георгия Иванова «Розы» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т.17. №1. – С. 159-162.
3. Чехунова-Блау О.А. Образный код в экзистенциальной картине мира Георгия Иванова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т.17. №1. – С. 162-166.
4. Чехунова О.А. Циклизация как способ отражения мировосприятия поэта: эмигрантские поэтические циклы Георгия Иванова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т.17. № 3. – С. 207-212.

Другие научные статьи:

5. Чехунова О.А. Основные экзистенциальные мотивы и образы в эмигрантской лирике Георгия Иванова // Материалы XI всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов в г. Нерюнгри, посвященной 75-летию Высшего образования в Якутии и 35-летию города Нерюнгри (апрель 2010 г.). – Нерюнгри: изд-во ЯГУ, 2010. – С. 272-274.
6. Чехунова О.А. Экзистенциальные образы зеркала, лодки и тумана в эмигрантской лирике Г.В. Иванова // Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной 15-летию Технического института (филиала) ЯГУ в г. Нерюнгри (апрель 2007 г.). – Нерюнгри: изд-во ЯГУ, 2007. – С. 439-442.
7. Чехунова О.А. Экзистенциальные мотивы и образы в сборнике Г. Иванова «Розы» // Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной 50-летию

Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова (март 2006 г.). – Нерюнгри: изд-во изд-во ЯГУ, 2006. – С. 595-597.

8. Чехунова О.А. Экзистенциальные образы в сборнике Г. Иванова «Отплытие на остров Цитеру» // Материалы VI межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной 30-летию г. Нерюнгри (апрель 2005 г.). – Нерюнгри: изд-во ЯГУ, 2005. – С. 529-531.

9. Чехунова О.А. Экзистенциальные образы в сборнике Г. Иванова «Отплытие на остров Цитеру» // Ученые записки Северо-Восточного гуманитарного института. Ежегодный сборник статей / Под ред. В.Г. Филоненко. – Нерюнгри: изд-во СВГУ, 2005. – С. 351-354.

10. Чехунова О.А. Философия экзистенциализма и её воплощение в русской литературе // Материалы III Международной научно-практической конференции «Научный потенциал – 2006». – Днепропетровск: Constanta, 2006. – Том 14. – С. 65-67.

Чехунова Ольга Александровна

**Циклическая структура поэтических сборников Георгия Иванова
1930-х годов как отражение экзистенциальной картины мира**

Данное диссертационное исследование посвящено комплексному анализу лирических сборников Георгия Иванова 1930-х годов как целостных циклических феноменов, способных воплотить экзистенциальную картину мира поэта.

Проведенный анализ доказал, что лирические сборники «Розы» и «Отплытие на остров Цитеру» представляют собой органичную художественную систему связей и отношений, выраженную в наборе циклообразующих факторов на разных уровнях построения художественного текста. Кроме того, результаты исследования позволяют утверждать, что данные циклы в отличие от отдельно взятого произведения, передают целостную систему экзистенциальных миропредставлений автора.

Chekhunova Olga A.

The cyclic structure of George Ivanov's poetic collections of the 1930-ies as the reflection of the existential world view

This dissertation is devoted to the complex analysis of George Ivanov's lyrical collections of the 1930-ies as holistic cyclic phenomena that are able to embody the existential world view of the poet.

The performed analysis demonstrates that lyrical collections of "Roses" and "Sailing to the Island of Cytherea" represent an organic artistic system of connections and relations, expressed as a set of cycle forming factors at different levels of building the literary text. In addition, the results of the research suggest that these cycles as opposed to a piece of work taken by itself, render a complete system of existential world view of the author.

Подписано в печать: 15.03.2012

Заказ № 6822 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru

10 =